

Как погибли подростки с Ульяновской улицы

У поэта Владимира Высоцкого есть замечательная «Баллада о борьбе», в которой рассказывается о детях послевоенного времени.

«Средь оплывших свечей
и вечерних молитв,
Средь военных трофеев
и мирных костров
Жили книжные дети,
не знавшие битв,
Изнывая от мелких
своих катастроф...»

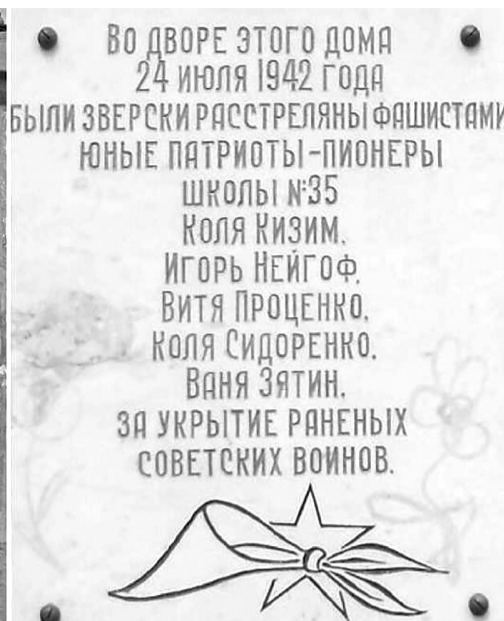
Они никогда не видели ужаса войны, и поэтому в своих мыслях пытаются представить ее, ощутить через обыкновенную игру.

Накануне Великой Отечественной войны в историческом центре Ростова, рядом с Центральным рынком, на улицах Донской и Ульяновской, по соседству проживала дружная компания мальчишек и девочек: Коля, Толик и Валентина Кизим, их приемный брат Коля Сидоренко, по прозвищу Беленький, Игорь и Нина Нейгоф, их приятели — Коля Петренко, Яша Загребельный, Витя и Лиля Проценко, Коля, Женя, Лиля Крамаренко, Ваня и Аня Зятевы, Нина Пилипейко. Большинство из них учились в средней школе № 35. Озорное детство разрушило вероломное нападение нацистской Германии и ее союзников — Финляндии, Италии, Венгрии, Словакии, Хорватии, Румынии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Уже в ноябре донская столица стала фронтовым городом.

24 июля 1942 года на Ульяновской улице, во дворе дома № 27, произошла трагедия, обесмертившая имена пяти ростовских мальчишек. Лишь через 28 лет, в день массового расстрела, 24 июля 1970 года на стене дома появилась памятная доска с надписью: «Во дворе этого дома 24 июля 1942 года были зверски расстреляны фашистами юные патриоты — пионеры школы № 35 Коля Кизим, Игорь Нейгоф, Витя Проценко, Коля Сидоренко, Ваня Зятин за укрытие раненых советских воинов». Фамилия глухонемого мальчика Ивана Зятева была искажена.

Первой о подвиге школьников рассказала участница освобождения Ростова-на-Дону, ветеран войны Антонина Мироновна Ленкова. В последующие годы на страницах газет было опубликовано еще несколько статей. В Ростовском книжном издательстве вышла документальная повесть А. М. Ленковой «Это было на Ульяновской». И затем — тишина длительностью в 35 лет. Вспомним о них, юных героях, не отмеченных наградами, но свершивших великий подвиг самоотречения, «живот положивших за други своя».

Ростов-на-Дону — «ворота на Кавказ» — стал главной целью наступления за нефтью и продовольствием летом 1942 года. 13 июля Гитлер приказал генерал-полковнику Э. фон Клейсту повернуть корпуса его 1-й танковой армии на запад, навстречу дивизиям 17-й армии генерал-полковника Р. Руофа и встречными ударами танковых и армейских корпусов окружить и уничтожить севернее Ростова главные силы шести советских армий Южного фронта. Для этой операции генерал-фельдмаршал В. Лист выделил восемнадцать дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных, всего до 200 000 солдат и офицеров, 600 танков и штурмовых орудий, свыше 4 000 орудий и минометов. С воздуха поддержку

обеспечивали эскадры 4-го воздушного флота генерала Вольфрама фон Рихтгофена — свыше 400 истребителей и бомбардировщиков.

22 июля, после массивной артподготовки и ударов авиации, в шесть часов утра немцы начали штурм Ростова, действуя двумя бронированными кулаками (по 250-260 танков и самоходных артиллерийских установок в каждом) с северо-запада, через село Султан-Салы, на Ростов и с севера, через хутор Щепкин, на Аксайскую переправу. 8-й авиакорпус люфтваффе генерала Фибига совершил тысячу самолетовылетов, бомбо-штурмовыми

Расстрел в Ростове-на-Дону 25 июля 1942 года.

ударами прокладывал дорогу колоннам танков и мотопехоты. Воины 30-й, 339-й стрелковых дивизий, 68-й, 76-й и 81-й отдельных морских стрелковых бригад проявили массовый героизм и самопожертвование, но сдержать армаду из 600 танков и тысяч грузовиков, бронетранспортеров и мотоциклов не сумели. К вечеру враг ворвался в Ростов-на-Дону.

Уличные бои в самом Ростове продолжались более двух суток — 56 часов непрерывных схваток. Командир 421-го пехотного полка 125-й Вюртембергской дивизии Альфред Рейнгардт в своем отчете писал: «Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания, и если их обходили, не заметив, даже раненые, они вели огонь из укрытия до тех пор, пока не погибли».

Неравные ожесточенные схватки продолжались всю ночь и весь день 24 июля. Как отмечает генерал Пауль

Карель в своей книге «Восточный фронт»: «...подобных сражений, вероятно, никто и никогда еще прежде не вел. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы и Ленинграда, если бы немцам удалось войти туда».

Лишь в 5.30 утра 25 июля штурмовые группы вермахта в черте Ростова-на-Дону вышли на берег Дона, затянутого дымом пожаров. Тысячи жителей, военнотружущих всех родов войск пытались выласть, на подручных средствах, на досках, автомобильных камерах, на лодках перебраться на левый берег. Вода кипела от пуль и осколков, вспучивалась фонтанами от взрывов снарядов и авиабомб. Течение несло мусор, вздувшиеся трупы людей, лошадей, овец и коров. Очень немногим удавалось пересечь реку и добраться по затопленной весенним паводком пойме до Ольгинской, Батаяска и Койсуга.

За пять суток сражения потери армии превысили сто тысяч воинов. Немцы, румынские и словацкие войска также понесли большие потери, особенно в танках, автотранспорте и живой силе. Эти потери и интенсивность битвы за Ростов опровергают ошибочную оценку Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, данную им в приказе № 227: «...часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором».

Последними покидали город бойцы из группы под командованием младшего лейтенанта Михаила Батыркина, выполнив задачу по прикрытию войск. Двигаясь к Буденновской переправе, они уходили через дворы, в последнем дворе квартала все укрылись.

Как рассказывает журналист А. М. Ленкова в книге «Это было на Ульяновской», ребята всех раненых, около 40 человек, переодели в гражданскую одежду и вместе с жителями спрятали на чердаке. Коля Кизим закрыл ворота, но немцы пробили их танком. Советских солдат сбросили с крыши во двор и добились штыками. Заставив всех жителей выйти из подвала-бомбоубежища, немцы отнесли в сторону мужчин и мальчиков. Повели их к выходу, подгоняя прикладами. Первым шел Коля Кизим, гордо подняв голову, глядя прямо перед собой. Рядом, стараясь не отставать от него, волочил искалеченную ногу Коля Беленький. Витя Проценко шел вместе с отцом, Василием Петровичем, Игорек Нейгоф крепко держал за руку отца,

Владимира Яковлевича. Ваня Зятев поддерживал избитого отца. Следом, прикрывая детей от ударов разъяренных фашистов, шли Пилипейко, Лопатин, Козлов. Более полусотни мужчин и подростков немецкие солдаты затолкали прикладами во двор дома № 27. Вскоре оцепеневшие от ужаса женщины и дети услышали автоматные очереди.

Расстрелянных Колю Кизима, Игоря Нейгофа, Витю Проценко, Ваню Зятева, Колю Беленького (Сидоренко) Мария Ивановна Кизим вместе с Ниной Нейгоф уже глубокой ночью сложили в большой ящик и перенесли в надежное место, присыпали землей.

«В одном из опустевших дворов, что ближе к Буденновскому, зияла огромная воронка. В ней-то и решила Мария Ивановна похоронить остальных расстрелянных. Временно — до прихода наших. Она, Людмила Малиновская, дворник Семен Филиппович Мысков и еще несколько человек работали всю ночь и весь следующий день, углубляя и расширяя яму. Работали, не зная, удастся ли им перенести тела; но к вечеру выяснилось, что охрана снята. В этой тайком вырытой братской могиле — вопреки запрету — было похоронено около 50 человек».

После освобождения Ростова 14 февраля 1943 года уцелевшие подростки ушли на фронт мстить ненавистному врагу. Нина Нейгоф погибла 30 мая 1943 года вместе с диверсионной группой М. М. Трифонова в Донбассе. Семен Дьячков — летом 43-го на Мисус-фронте. Им было по восемнадцать неполных лет. Антон Кизим пал в бою при освобождении Украины. Яков Власович Загребельный, два Николая — Петренко и Крамаренко, две Нины — Пилипейко и Пономаренко, Аня Зятева достойно воевали до Победы и вернулись домой.

Так сложилась судьба шумной и озорной компании с улиц Ульяновской и Донской. На Братском кладбище нашего города уже более полувека стоит типовой памятник: скорбящая мать преклонила колени, с венком. Рядом, положив правую руку на материнское плечо, — молодой солдат в плащпалатке, без головного убора. На мраморной плите — надпись: «Вечная слава погибшим воинам при защите Ростова н/Д. 1941-1943 гг. Здесь также похоронены зверски расстрелянные 24.VII.1942 г. пионеры 35-й школы Кизим Коля, Нейгоф Игорек, Проценко Витя, Сидоренко Коля, Зятин Ваня».